

АБСТРАКТНЫЕ МОДЕЛИ СВЯЗНОЙ РЕЧИ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ МОДЕЛИ ЗАГОВОРНОГО ТЕКСТА

Статья И.Ф. Амроян посвящена анализу принципов организации заговорного текста. Автор доказывает, что в заговорных текстах в качестве матриц структурообразования используются абстрактные модели связного текста. Попутно ею выявлена причина того, почему использование рассматриваемых моделей в заговорах, в отличие от сказочных текстов, в большинстве случаев не приводит к формированию цепевидности.

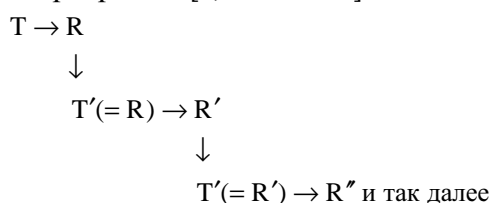
Исследование проблемы использования повтора в качестве структурообразующего принципа, проведенное нами на материале сказочного и детского (прежде всего так называемого материнского) русского и болгарского фольклора, позволило нам сделать следующие выводы:

– существуют четыре вида структурообразующего повтора – нанизывание, кумуляция, маятниковый и кольцевой повторы;

– на основе их использования формируется цепевидная композиция, состоящая из звеньев, то есть целостных в смысловом отношении сегментов текста, определенным образом структурно организованных и часто выступающих как относительно устойчивая синтаксическая конструкция;

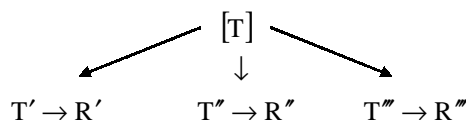
– нанизывание оказалось универсальным приемом, поскольку встречается не только на всех уровнях организации текста, но и фактически во всех жанрах и в качестве основного композиционного принципа, и в качестве вспомогательного приема, касающегося структуры отдельной части текста [1].

Наши дальнейшие исследования показали, что в основе нанизывания лежат различные типы абстрактной модели связного текста, выделенные и описанные чешским ученым Ф. Данешем еще в 60-70 годы XX века [8, 9, 10]. Впервые на эту закономерность обратил внимание К.В. Чистов в ходе исследования текстов детских сказок и прибауток, в основе структуры которых лежит нанизывание на словесно-текстовом уровне. На примере отрывка из известной сказки-прибаутки «Коза» он убедительно показал, что в основу текстов такого типа положена модель тема-рематической прогрессии Ф. Данеша №1, то есть простая линейная тематическая прогрессия [7, с. 143-169]:

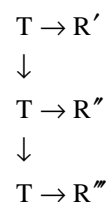
Наши исследования, проведенные на более широком материале (в сферу нашего внимания входили не только сказки о животных, признанные детскими, но и волшебные и новеллистические сказки), привели нас к выводу, что на основе модели №1 строятся также тексты, в которых нанизывание выступает и на чисто структурном уровне. Таким образом организованы сказки на сюжет АТ 1696, АА 1696 А «Набитой дурак».

В других сказках о дурацких поступках, где обычно объединяются несколько сюжетов (АТ 1685, АА 1685 А «Дурак домовничает», АА * 1681 ! «Дурак делает покупки» и др.), в сказках о ловком воре или о глупцах реализуется модель №3:

В ней все частные, производные темы вытекают из общей, или, по терминологии Ф. Данеша, гипертемы. Сама гипертема может либо реально присутствовать в тексте (как в сказках о глупцах, где она задается обычно в первом эпизоде), либо только подразумеваться (выноситься в заголовок), как в сказках о дурацких поступках или ловком воре.

На сюжетно-композиционном уровне нанизывание реализуется по второй модели Ф. Данеша, которая в лингвистике получила название тема-рематической цепочки со сквозной темой. Это значит, что в каждом новом звене тема остается неизменной, а расподобление осуществляется через изменение элемента-ремы. Схематически эту модель можно представить как:

В зависимости от того, какой элемент повторяющейся предикативной единицы (мотива или акции) варьирует – субъект или объект, мы выделили две разновидности этой модели: субъектную (сквозным элементом является субъект) и объектную (сквозным элементом является объект). Например, в сказках типа «Смерть петушка» (АТ 2021, АА 2411), «Глиняный парень» (АТ 2028, АА 333*В), «За скалочку гусочку» (АТ170) и других, а также волшебных сказках на сюжет АА*480 А «Мачеха и падчерица», АА*480 Е «Гуси-лебеди», АТ 450 «Братец и сестрица» нанизывание осуществляется на основе субъектной модели, а в других сказках, поскольку в них действуют несколько персонажей, используется или превалирует объектная модель. В большинстве сказок модели находятся в сложном переплетении друг с другом.

Мы уже упоминали, что нанизывание, в отличие от других приемов структурообразующего повтора, можно считать универсальным, поскольку оно встречается не только на всех уровнях организации текста, но и в текстах произведений различных жанров. Наше внимание привлекли прежде всего заговорные тексты, так как в них очень часто зачины организованы на основе модели линейной тема-рематической прогрессии (модель №1), представленной на словесно-текстовом уровне:

«...в восточной стороне есть синее море Окиян; на Окиян море святой Божий остров; на том острове лежит бел Латырь камень; на том камне стоит святая церковь; в той святой апостольской церкви стоит золотой престол; на том золотом престоле сидит Матерь Божия с двумя сестрицами, прядет и сучит шелковую кудельку...» (Майков, №150).

Модель представляет выделительное нанизывание по убывающей, или, если использовать терминологию Б.М. Соколова, описавшего данный прием на материале песенного фольклора, ступенчатое сужение образов.

Значительно реже в текстах заговоров встречается реализация модели №2, то есть тема-рематической цепочки со сквозной темой. Так, часть текста может быть построена на основе субъектной разновидности этой модели, как, например, в заговоре из сборника Майкова №104:

«Крест – хранитель всей вселенной. Крест – красота церковная. Крест – царей держава. Крест – верных утверждение. Крест апостолам слава и победа, бесам язва. Крест – мученикам

похвала и всем нам помощник. Крест рабу Божию помощь...», а в других случаях в основе структуры текста может лежать объектная ее разновидность:

«< Стану я благословясь и пойду перекрестясь на Океан море>, на нем плавают гоголь морской, он не имеет ни синей, ни красной опухоли, ни хомута; там ползает рак морской, он не имеет ни синей, ни красной опухоли, ни хомута; там лежит мертвец, он не имеет ни синей, ни красной опухоли, ни хомута; там сидит петух, он не имеет ни синей, ни красной опухоли, ни хомута» (Майков, №127).

Как мы видим, в данном случае сюжетно-композиционное нанизывание является основным принципом организации структуры текста, причем цепевидность ее подкреплена использованием репризы и синтаксического параллелизма всех звеньев.

Среди заговоров от болезней встречаются и такие, часть текста которых построена на переплетении субъектной и объектной моделей, то есть используется прием нанизывания акции:

«< И вопросы их святы великий Сизиний: «Что ваши имена?» Окаянные видением диаволы рече: > «Мне есть имя Трясса. Не может тот человек согреться в печи». «Та буди проклята самим Господем нашим Иисусом Христом и святыми отцы». Вторая рече: «Мне есть имя Огнея. Как разгорятся дрова смоляные в печи, так разжигает во всяком человеке сердце». «И та буди проклята самим Господем нашим Иисусом Христом и святыми отцы.»...» (Майков, №103).

Вся цепь состоит из 12 звеньев по количеству «диавольских» болезней. Цепевидность структуры этого отрывка максимально наглядна, потому что она поддерживается развитой репризой.

В отличие от сказочного и детского фольклора, где модель №3 (параллелистическая модель с реализацией имплицитно или эксплицитно представленной гипертемы) организует текст только на структурном уровне, в заговорах она встречается на сюжетно-композиционном. Так, практически все формулы описания того, как должно проявляться «тоскование и горевание» красной девицы по молодцу, используют нанизывание на сюжетно-композиционном уровне по модели №3. В заговоре из сборника Майкова №3 гипертема представлена в самом тексте:

«...< чтобы красная девица> тосковала и горевала по (имя рек)... едой бы не заедала, питьем она не запивала, в гульбе не загуливали, и

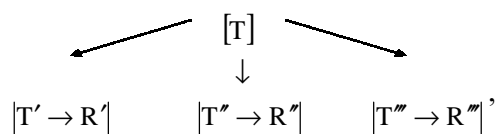
во сне бы она не засыпывала, в теплой парусе калиновым щелоком не смывала, шелковым венником не спаривала...», или в современном заговоре из сборника «Вятский фольклор»:

«...чтобы вспомнил раб Божий... чтоб он меня в еде не заедал, в питье не запивал, в крепком сне не засыпал, в думе не задумывал» (№214).

Однако ее эксплицитность не является обязательной, она может лишь подразумеваться:

«< Не сожги орехового дерева, а сожги ретивое сердце в добром молодце (или доброй девице); > в естве бы не западал, в поле бы не загулял, в питье бы не запивал, во сне бы не засыпал, с людьми бы не забаивал...» (Майков, №16).

В приведенных примерах налицо сюжетно-композиционное нанизывание, реализующее модель №3, которое подкреплено синтаксическим параллелизмом, однако цепевидная структура не образуется. Причина этого заключается, на наш взгляд, в том, что нарушается основной принцип организации цепи нанизывания – «каждое новое звено, присоединяясь к предыдущему, непосредственно связано только с ним и только через него осуществляет связь с целым» [1, с. 21]. В случае реализации третьей модели на структурном уровне в сказочных текстах это означает, что отдельные звенья являются не только производными гипертемы (то есть в смысловом плане вытекают из нее, развивают ее), но и соединены последовательно друг с другом. Анализируя эти принципы связи, мы обнаружили, что звенья не только последовательно следуют друг за другом, но и, чтобы стало возможным присоединение нового звена, развитие действия в предыдущем звене должно исчерпать себя, завершиться. Такая обязательная последовательность подчеркивается в тексте использованием специальных маркеров завершенности одного эпизода и перехода к другому. Так, в сказке о дурне, совершавшем различные дурацкие поступки, или о ловком воре новое звено обычно начинается со слов «на другой день» или «поехал он дальше» (см., например, Худяков, №27; Молдавский, №20; Афанасьев, №405 и др.). Это значит, что модель №3 выступает в усложненном виде:

где вертикальными чертами мы обозначили завершенность, а стрелкой – последовательность.

Если обратиться к заговорным текстам, то там мы столкнемся с отсутствием последовательности и завершенности отдельных единиц нанизывания. В рассматриваемом случае мы будем иметь точное воспроизведение модели №3, не предусматривающей связи между отдельными производными темами: каждая из них связана только с имплицитной или эксплицитной гипертемой, то есть гипертема как бы разворачивает свою семантику в одной плоскости – ни движения действия, ни последовательности его развития нет. Модель, в отличие от сказочной, динамичной, абсолютно статична. Именно поэтому и последовательность разворачивания производных тем (насколько нам позволяет об этом говорить исследованный материал – около 230 текстов любовных и лечебных заговоров из сборников Майкова, Забылина и сборника «Вятский фольклор. Заговорное искусство») не отличается логикой и постоянством.

Исходя из сути модели №3, данный тип нанизывания можно было бы, как нам представляется, назвать «веерным». Собственно говоря, это переходная модель к наиболее распространенному в заговорах способу организации текста – перечню.

Перечень можно было бы определить как «псевдонанизывание», поскольку, на первый взгляд, он также реализуется на основе модели №3:

«Так же бы у раба Божия (имя рек) зубы не болели, и не щемили, и не ломили, и не пухли» (Майков, №64), где можно найти «гипертему» – «не болели» и ее производные «темы», отделенные друг от друга повторяющимися союзами «и». Однако необходимо вспомнить, что абстрактные модели связной речи разрабатывались Ф. Данешем только для предикативных единиц, то есть для предложений, каждое из которых определялось как носитель отдельной темы [2, 6, 8, 9, 10]. Мы, рассматривая эти модели, акцентируем внимание на коммуникативной преемственности между составляющими связного текста, то есть на аспектах повтора и новизны, и поэтому используем понятия, предложенные Ф. Данешем, – «тема» (то, что уже известно) и «рема» (то новое, что сообщается), тогда как Г.Я. Солганик, например, употреблял термины «субъект» и «предикат» с тем, чтобы подчеркнуть в моделях их предикативную составляющую. Поэтому когда мы обращаемся к перечням, которые строятся на разворачивании (часто си-

нонимическом) семантики одного слова в рамках одной предикативной единицы, то мы можем говорить только о «псевдомодели №3».

Значительно чаще, чем акциональный, или предикативный, перечень, который мы рассмотрели, в заговорных текстах встречаются перечни номинативные, которые можно в зависимости от темы разделить на перечни собственно номинативные (перечисление частей тела, например), темпоральные (перечисление длительности времени действия заговора), локативные (перечисление мест отсылки болезней), качественные (перечисление предметов, субъектов или явлений, с которыми сравнивается данное качество или состояние). В основе их разворачивания лежит псевдомодель №3, поскольку в тексте может быть представлена «гипертема», как, например, в заговоре из сборника Майкова (№18), где «гипертема» «Я, раб Божий» реально присутствует в тексте:

«Вы же, черные ангелы, выньте тоску из меня, раба (имя рек), из моего тела белаго, из моих черных очей, из всех моих жил и составов и недугов, и вложите ту тоску-кручину в рабу (имя рек), и в ея тело белое, и в ея черны очи, и во все ея жилы и составы и недуги...».

В заговоре №128 из этого же сборника в качестве «гипертемы» можно рассматривать словосочетание «пустое, темное место»:

«...<и пойдй, грыжа,... > на пустое место, в темное место, где солнце неогревает, где люди не ходят и не бывают, где птицы не летают, где звери не заходят...» (Майков, №128).

По этой же схеме строятся и перечни разновидностей какой-либо одной болезни, как, например:

«...золотуху... пересудную, передумную, переговорную, полунощную, буйную-буйновицу, желтую-желтавицу, синюю-синявицу, красную-красавицу и разсыпчатую...» (Майков, №93).

Однако в большинстве случаев «гипертема» является имплицитной, то есть реально в тексте не представлена. Например, в следующем заговоре она легко восстанавливается из производных тем, традиционно обозначающих отдаленное, «чужое» место:

«...идем на леса темные, на болота зыбучия, на реки трескучия» (Майков, №2).

В терминальных перечнях «гипертема» практически никогда не присутствует (в современных заговорах иногда она представлена, но занимает постпозицию), хотя восстановить ее смысл нам также достаточно легко – это абстрактное в дос-

таточной степени понятие «всегда». Однако, как отмечали еще первые исследователи заговорных текстов – Н. Познанский, А.А. Потебня и другие [3, 4, 5], в основе этого явления лежит свойство конкретности мышления «примитивного» человека, его вера в то, что успех может быть достигнут только тогда, когда все возможные (и невозможные) конкретные единицы абстрактного понятия будут перечислены:

«...<чтобы не болело, чтобы не щемило> ни день, ни ночь, ни час, ни получаса, ни минуты, ни полуминуты...» (Майков, №95), или

«...ни в день, ни в ночь, ни в утреню зорю, в вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни на перекрыю месяцу» (Майков, №85).

По этой же схеме создаются перечни болезней, когда заговаривающий включает в перечень не только реально существующие названия болезней, но и самые невероятные (на всякий случай):

«...от сибирки и от опуху, от бишихи и от бросу, от ломоты и от колотья, и от миритлицкия болезни...» (Майков, №132).

Изучая приемы организации текстов заговоров, мы обратили внимание на то, что в них, как и в считалках, встречаются (хотя и значительно реже) перечни, в которых так называемая «гипертема» не только не присутствует, но и не предполагается. Такого рода явление мы предпочли обозначить термином «список». К спискам относятся перечисления имен болезней, например, в заговоре №104:

«И рекоша: 1) Вефоя, 2) Ивуя, 3) Руныша, 4) Дофелея, 5) Снея, 6) Мартуша, 7) Чадлея, 8) Гтея, 9) Хампоя, 10) Кисленя, 11) Знобица, 12) Трясовица» или в заговоре №8, с. 360 из сборника Познанского:

«...а зовут нас: 1. Кашея, 2. Овена, 3. Каса, 4. Орыста, 5. Оледья, 6. Ломяя, 7. Кашлея, 8. Горлея, 9. Пухлея, 10. Вертея, 11. Желтица, 12. Горница».

Примечательно, что если в перечнях встречаются достаточно постоянные элементы, тяготеющие к определенной позиции, то для списков это не характерно.

В тексте из сборника Майкова, №70 приводится список животных, у которых, в отличие от человека, должны болеть зубы:

«...у кошки, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у овцы, у барана...».

К спискам, на наш взгляд, могут быть отнесены перечисления, содержащиеся в заключительной части заговорного текста – в так на-

зываемых закрепах. В них дается список предметов или явлений, крепче которых должен быть сам заговор:

«... <закрепи крепче> стали и булату, крепче меди и укладу, крепче свицкого железа и немецкого, крепче тугого лука, каленой стрелы...» (Майков, №138).

Итак, в результате проведенного нами исследования приемов структурной организации заговорных текстов мы пришли к следующим выводам:

– в основе структуры отдельных частей заговорных текстов лежат такие приемы организации, как перечень, нанизывание и список;

– в основе приема нанизывания лежат абстрактные модели связной речи №1 и 3;

– в результате их использования соответствующие части текста организуются как цепевидные; если же линейная связь, выражающаяся в последовательности и завершенности отдельных элементов модели, между производными темами отсутствует, то цепевидная структура не возникает;

– в основе структуры перечня не может лежать абстрактная модель связной речи, так как модели подразумевают в первую очередь наличие предикативности (предложения, являющегося носителем отдельной темы) и лишь затем коммуникативной преобладности;

– основной характеристикой перечня является смысловое уточняющее разворачивание имплицитной или эксплицитной «гипертемы», отсутствие, соответственно, динамики развития действия, завершенности его в рамках отдельных «производных тем»;

– последовательность, а часто и набор составляющих перечня не регламентированы, поскольку в его основе лежит конкретность и «раздробленность» мышления «примитивного» человека (термины Н. Познанского);

– список отличается от перечня отсутствием обобщающей темы и, соответственно, полной производностью как в наборе, так и в последовательности перечисления составляющих его единиц.

Список использованной литературы:

1. Амроян И.Ф. Типология цепевидных структур. – Тольятти, 2000.
2. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981.
3. Познанский. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. – М., 1995.
4. Потебня. Мысль и язык. – Киев, 1993.
5. Потебня. Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905.
6. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). – М., 1973.
7. Чистов К.В. Вариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX международный съезд славистов. – М., 1983.
8. Danes F. Semantyczna i tematiczna struktura zdania i tekstu // Tekst jazyk – problemy semantyczne. – Wrocław, 1974.
9. Danes F. Prace o semanticke strukture vety. Prehled a kriticky rozbor. – Praha, 1973.
10. Danes F. Syntaksicky model a syntaksicky vzores // Ceskoslovenske prednasky pro V Mezinarodni sjezd slavistu v Sofii. – Praha, 1963.